

Каждый родитель желает воспитать в своем ребенке красивый и сильный характер для счастливой жизни. Дети берут пример с окружающих, и часто образами для подражания становятся книжные герои. Наиболее убедительные — реальные образы, а среди них самые прекрасные — образы святых людей, их жизненный опыт.

В этой серии собраны жития христианских подвижников, талантливо изложенные писателями для детей. Совместное чтение этих книг создает хорошую семейную традицию и дает детям прекрасные примеры любви и доброты, чтобы стать лучше и счастливее.

Два вечера чтения вслух

Лесенка
детям о православии

Проект
издательства
«Никея»

6+

ISBN 978-5-91761-297-3

9 785917 612973

Житие преподобного Сергия Радонежского

Житие
преподобного
Сергия
Радонежского
в пересказе для детей

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС 14-401-0080

Александр Ткаченко

Житие преподобного Сергия Радонежского

в пересказе для детей

Иллюстрации
Елены Кабириной

Москва · «Никея» · 2014

Таланты у людей бывают разные. Кто-то умеет красиво рисовать, кто-то — быстро бегать и высоко прыгать, а у кого-то — хороший музыкальный слух. Одним с легкостью даётся учёба в школе, другим — искусство танца или пения. Но что же делать, когда та же учёба ну никак не идёт в голову, хоть плачь? Неужели только талантливые дети могут учиться хорошо? Конечно же нет! Дело в том, что все таланты людям даёт Бог, каждому — в свою меру. И если ты чувствуешь, что тебе не хватает сил и способностей для чего-то, то всегда можно попросить Бога о помощи — попросить у него талант к этому сложному для тебя делу. Ведь не зря в народе говорят: у Бога — всего много. Это в том

6 смысле, что Богу не жалко для человека ничего. Главное, чтобы пользовался он этим полученным от Бога талантом на благо себе и другим людям. Ну а если у тебя есть сомнения в таком способе — то вот история одного из самых почитаемых русских святых, у которого в детстве тоже никак не получалось... Впрочем, лучше прочесть историю с самого начала и узнать всё по порядку.

7 Однажды у ростовского боярина Кирилла заблудились жеребята. Разбрелись с луга по окрестным березнякам, ищи-свищи их... Лошади вообще животные умные, на пастбище держатся вместе, далеко от знакомых мест не уходят. А дети — что людские, что лошадиные, известное дело, всё норовят приключений себе найти. Убежали жеребята с луга, не вернулись домой вместе с остальным табуном. Что теперь делать? Неровён час, волки на них нападут, или в болотной трясине жеребята увязнут. А надо сказать, что боярин Кирилл, хоть и был знатным человеком, но нрав имел простой и от крестьянского труда своих детей не ограждал. Другой бы отправил слуг искать потерявшуюся скотину, и делу конец. Кирилл же

послал на поиски жеребят своего среднего сына Варфоломея. Знал, что лошадей мальчик любит. Вот пускай и соберёт загулявших коньков. Всё больше проку, чем впустую дома сидеть. Тем более что с учёбой у него ну совсем никак дела не ладилась. Хоть плачь, а не даётся грамота парнишке. Да Варфоломей и плакал уже не раз от обиды: ну что ж за беда такая — братья давно уже читают, и счёту обучены, и писать пробуют. Только у него одного эти закорючки в Псалтири никак не хотят складываться в слова. Уж как он старался,

сколько бессонных ночей провёл над книгой, все советы учителя исполнял слово в слово. А грамота в голову никак не идёт. Только и остаётся, что поплакать тайком за печкой, чтобы отец не увидел. Но отец ведь тоже не слепой... Жалко ему было сына, видел он, что старается Варфоломей изо всех сил, а не выходит у него с грамотой ничего. Вот и отправил его после очередного урока на луг, за жеребятами. Небось, на просторе грусть быстрее развеется.

Долго бродил Варфоломей по окрестным ложбинам и перелескам.

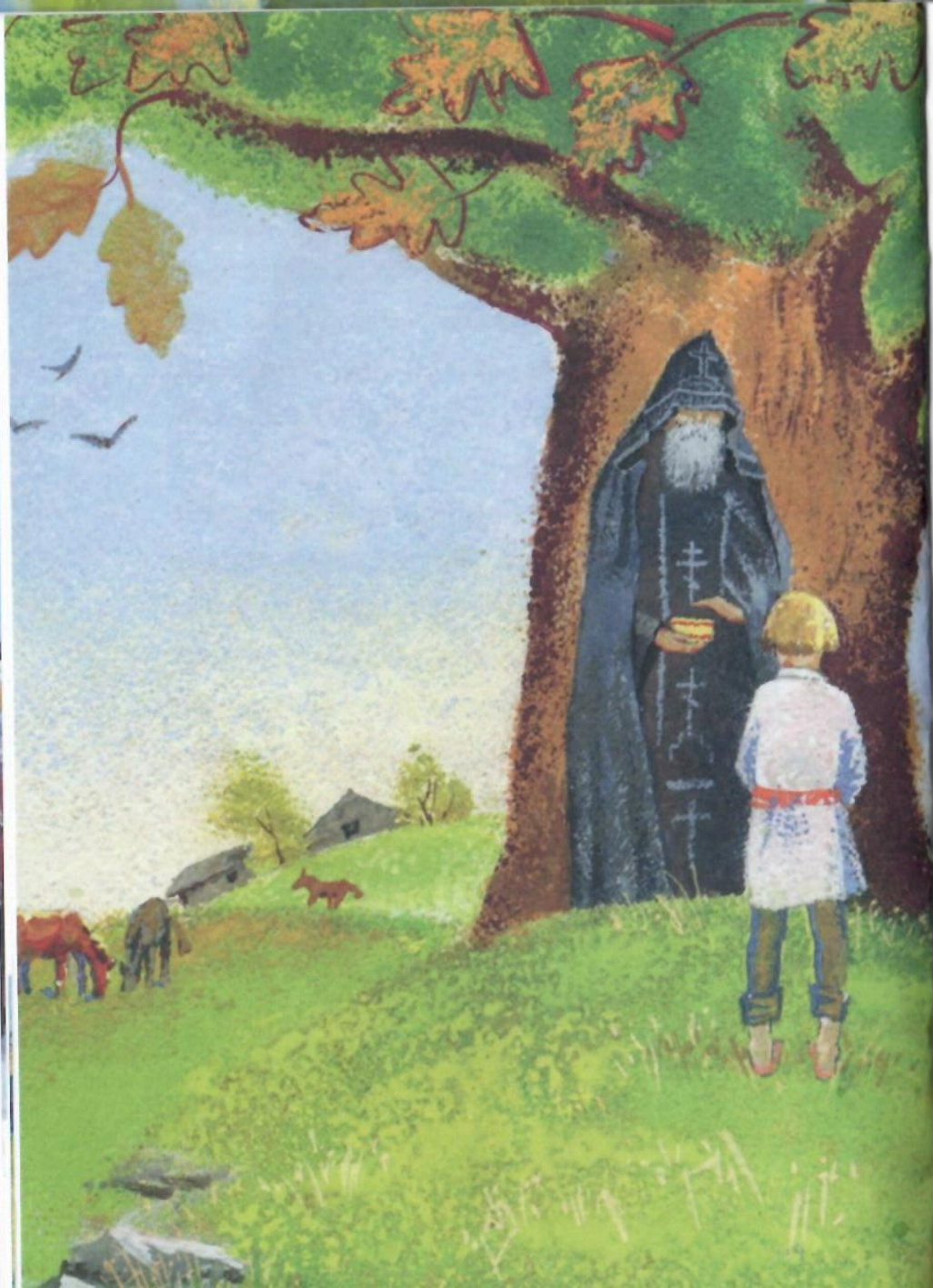
10 Звал своих лошадок, искал их следы на влажной земле у ручья. Наконец в роще на краю поля услышал знакомое ржание. Вот они, отцовские жеребята, все четверо. Подняли морды, лакомятся молодыми побегами берёзы. «Ничего, — подумал Варфоломей, — есть у меня для вас лакомство повкуснее». Достал из котомки краюху ржаного хлебца, дал каждому по кусочку. Ну всё. Теперь они до самого дома будут за ним бежать как привязанные, ждать ещё угощения. И отправился Варфоломей с коньками домой.

Вдруг смотрит, на пригорке, под дубом, — старик в монашеском одеянии. Стоит один-одинёшенек и Богу молится. «Не иначе, это святой человек, угодник Божий, — подумал Варфоломей. — Попрошу-ка я его и за меня помолиться, чтоб далась мне наконец книжная грамота». Встал он поодаль и начал ждать. Старец закончил свою молитву, увидел мальчика, подозвал его к себе и спросил, чего ему нужно. Тут Варфоломей вдруг заплакал и стал рассказывать о всех своих горестях. Монах выслушал его, улыбнулся

11

и сказал коротко: «Давай вместе помолимся, чтобы Господь дал тебе книжное разумение». А когда они помолились, достал из-за пазухи коробочку, а из неё вынул кусочек просфоры — церковного хлебца — и дал мальчику:

13

— Съешь это, в знак милости Божией к тебе.

Варфоломей послушно съел просфору. Монах попрощался и хотел было идти дальше своей дорогой, но Варфоломей так сильно упрашивал его зайти в гости, что тот согласился. Пришли домой. Родители Варфоломея

14 обрадовались, когда увидели у себя на пороге святого странника. Тут же взяли у него благословение и велели слугам накрывать на стол. Но гость не спешил обедать.

— Прежде отведаем пищи духовной, — сказал он Варфоломею и направился с ним в молельную комнату.

Такие комнаты в те времена были в доме у каждого боярина и князя. Там старец дал мальчику в руки книгу и велел читать молитвы.

— Но я же не умею, — возразил Варфоломей.

— Не болтай попусту, — улыбнулся старец, — читай.

15

И благословил его крестным знаменем. Варфоломей послушно открыл книгу, и... слова молитвы полились у него без малейшей запинки. Буквы на бумаге наконец стали складываться в слова, а слова — в предложения. Мальчик читал ровно и внятно, не хуже сельского дьякона. Родители, стоя в дверях, не могли поверить своим глазам — неужели это их Варфоломей?

Так, с Божьей помощью, будущий игумен земли Русской выучился чтению.

С того дня у Варфоломея открылись удивительные способности к учёбе. Грамота, которая никак не давалась ему, наконец была освоена. После такого чуда у мальчика появилось желание служить Богу. Ему захотелось уединиться по примеру древних подвижников и стать монахом. Но любовь к отцу и маме удерживала его в родной семье.

Варфоломей был скромным, тихим и молчаливым мальчиком, со всеми был кроток и во всём послушен родителям. Те тоже любили Варфоломея, и он, получив их разрешение, с двенадцатилетнего возраста стал приучать себя к жизни подвижника — так строго постился, что по средам и пятницам совсем не принимал пищи (как делали

тогда особенно благочестивые взрослые), а в остальные дни питался хлебом и водой. Маму это сначала беспокоило, но потом она увидела, что Варфоломей и при таком скудном питании растёт крепким и здоровым. Он часто посещал храм, а дома проводил в молитве целые ночи и усердно читал книги святых отцов.

Так бы и жить Варфоломею в своём ростовском имении, пока он вырастет и станет настоящим монахом. Но...

Когда Варфоломею было пятнадцать лет, Ростовское княжество присо-

18 единилось к Москве. Теперь Ростовом стал управлять московский наместник по имени Иван Кочева. Он устанавливал свои новые жестокие порядки и отбирал имущество у бояр и знатных людей Ростова.

Отец Варфоломея тоже лишился всех средств и стал бедняком, поэтому его семья вынуждена была бежать из родных земель.

Пристанище себе они нашли в небольшом поселении Радонеж, в шестидесяти километрах от Москвы. Там и жили, пока все три сына обеднев-

шего боярина не повзрослели. Пришла пора, и отец их умер. А вслед за ним и матушка отошла к Богу. После смерти родителей братья не стали делить скудное наследство. Оно целиком досталось младшему брату Петру. А Варфоломей и его старший брат Стефан поселились в десяти верстах (верста — это чуть больше километра) от Радонежа, в глубоком лесу около речки Кончюры.

Долго ходили братья по окрестностям, выбирая пустынное место — то есть безлюдное, тихое, незаселённое

19

20 людьми. Наконец им понравился один лесной уголок, удалённый и от поселений, и от дорог. Это место было Самим Богом предназначено для обители, ведь над ним и прежде люди видели то небесный свет, то огонь, а некоторые ощущали здесь благоухание. Выглядело же это место как небольшой холм, который возвышался над окрестностями в виде маковки, поэтому его и называли Маковцем, или Маковицею. Густой лес, которого ещё никогда не касалась рука человеческая, одевал его со всех сторон сплошной

чащей, высоко поднимая к небу свои тихо шумевшие вершины. 21

В этих лесных дебрях можно было найти немного воды, хотя идти за нею было и не близко. Братья срубили огромные вековые ели, обтесали их топорами и своими руками построили келью с небольшой церковью. Церковь освятили во имя Святой Троицы. Так было положено начало будущей обители преподобного Сергия.

Но недолго довелось братьям жить вместе. Хоть Стефан и был старшим братом, а не выдержал тяжёлой жизни отшельника вдали от людей. Как ни упрашивал его Варфоломей остаться, но Стефан ушёл из лесной чащи и отправился в Москву. Там он поступил в Богоявленский монастырь, а через некоторое время стал его настоятелем и духовником московского князя.

Варфоломей же постригся в монахи с именем Сергий и больше двух лет жил в лесу один. Сложно даже представить себе, сколько трудностей пришлось преодолеть молодому монаху за это время. Ведь было ему тогда чуть больше двадцати лет. Зимой стаи голодных волков рыскали около кельи и выли ночи напролёт, зловещим

огнём горели в тёмном лесу их страшные глаза. А в тёплое время года иногда заходили сюда и другие, ещё более страшные обитатели здешних мест — медведи. Страшно было преподобному Сергию, как и любому человеку, чего ж скрывать. Но другой на его месте убежал бы из таких диких лесов без оглядки. А он при виде диких зверей лишь усерднее молился, надеясь

24 на помощь Бога. И волки с медведями уходили в глубину лесных дебрей, не причинив ему никакого вреда.

Однажды весной преподобный Сергей увидел перед своей хижинкой большого медведя, оголодавшего после зимней спячки. Правда вид у мишки был совсем не свирепый: исхудал, мех висит клоками. Встал перед кельей и рычит жалобно, будто поесть просит. Сжалился монах над зверем: взял кусок хлеба, вышел и отдал медведю свой обед. Ведь кроме хлеба, который ему иногда приносил младший

брат, у преподобного Сергия не было другой еды. Медведь съел хлеб и ушёл в лес. И потом стал время от времени приходить к святому в гости — отведать монашеского хлеба. А тот лишь благодарил Бога за такого необычного соседа, посланного ему в утешение.

Через три года слава о духовных подвигах преподобного Сергия достигла окрестных селений. К святому потянулись люди, жаждавшие получить от него наставление. Монахи просили разрешения поселиться рядом с ним, чтобы вести такую же праведную жизнь. Преподобный Сергий отказывал им: ведь жизнь здесь была очень трудна. Но в конце концов — разрешил. И вокруг него собралось двенадцать человек, решивших, как и он, служить Богу. Каждый из них построил себе келью-избушку, а преподобный обнёс их высоким забором из словых брёвен для защиты от зверей. Густой лес окружал обитель со всех сторон. Вековые деревья склонялись над кельями, шумя своими вершинами. Даже около церкви повсюду были

28 пни и брёвна, между которыми монахи устроили небольшие огородики, где выращивали овощи: картошку, морковь, лук. Вот как просто выглядела Сергиева Лавра в свои первые годы!

Став игуменом (то есть настоятелем обители), преподобный заботился о братии, а о себе не думал вовсе, надеясь только на Божью помощь. И потому нередко случалось, что он подолгу голодал. Но ведь Сергей постился ещё с детства и привык переносить лишения, поэтому своим терпением подавал пример всей братии.

Однажды у него не осталось ни хлеба, ни соли, да и во всем монастыре было очень мало припасов. Три дня игумен жил без еды, а на рассвете четвертого дня взял топор и пошёл к одному из монахов, по имени Даниил. 29

— Слышал я, старче, — сказал преподобный Сергей, — что ты хочешь пристроить сени к своей келье; позволь мне построить их для тебя, чтоб руки мои не были без дела.

— Правда, — ответил ему Даниил, — мне очень бы хотелось построить их; у меня уже всё и для работы

давно заготовлено, и вот только поджигаю плотника из деревни. А тебе как поручить это дело? Пожалуй, запросишь с меня дорого.

— Эта работа недорого тебе обойдётся, — сказал игумен. — Мне вот хочется плесневелого хлеба, а у тебя он есть; больше этого я с тебя не потребую. Разве ты не знаешь, что я умею работать не хуже плотника? Зачем же тебе, старче, звать другого работника?

Тогда Даниил вынес ему решето с кусками плесневелого хлеба, который сам он есть не мог, и сказал:

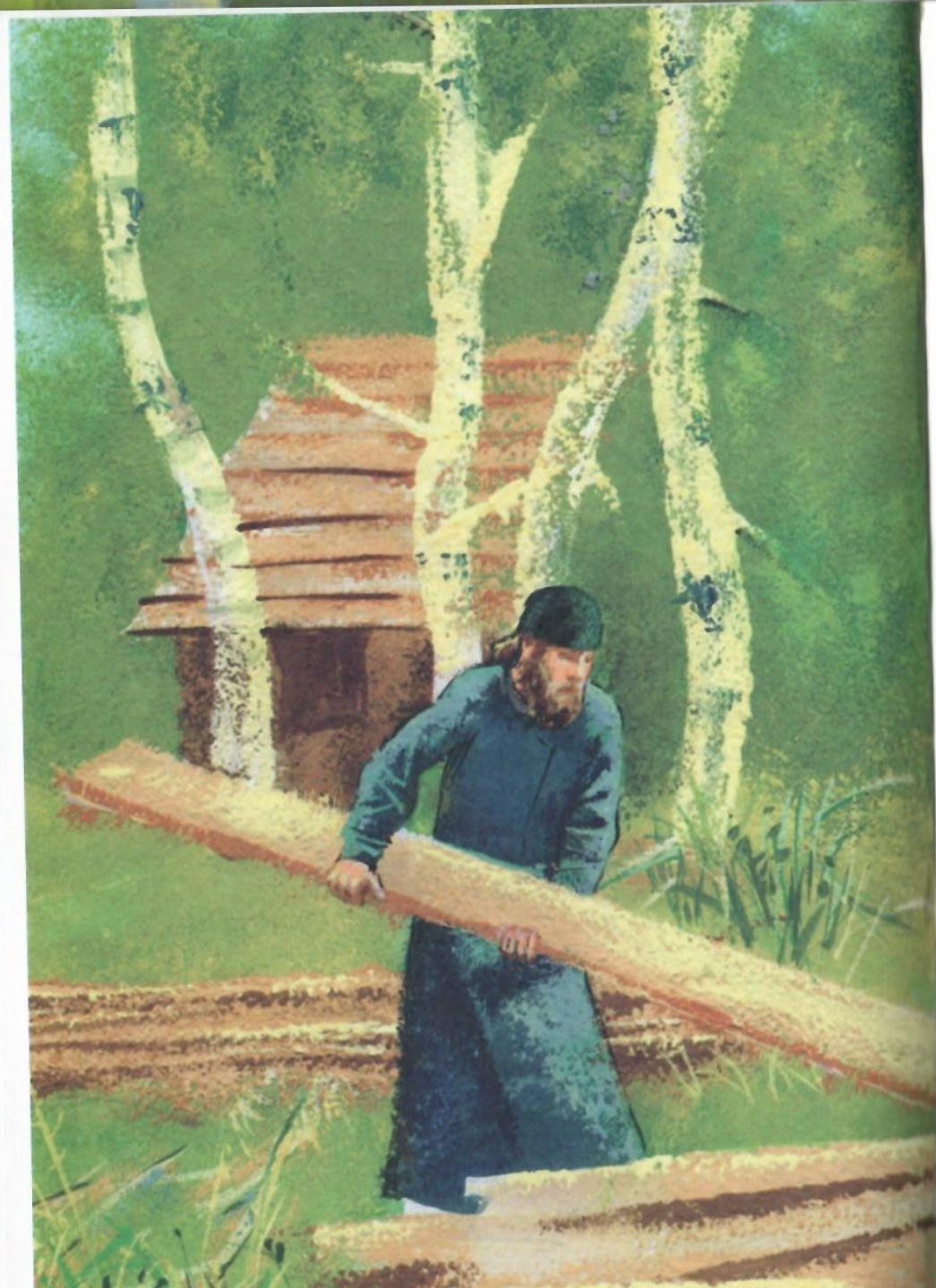

— Вот, если хочешь, возьми всё, что тут есть, а больше не взыщи.

— Хорошо, — сказал преподобный Сергей, — этого с избытком довольно для меня; побереги же до девятого часа: я не беру платы прежде работы.

Настоятель крепко затянул пояс и усердно принялся за работу. С раннего утра до позднего вечера, несмотря на голод, он пилил, тесал доски, долбил столбы — и к ночи окончил постройку. Солнце уже скрылось за дремучим лесом, когда старец Даниил снова вынес ему плесневелые куски

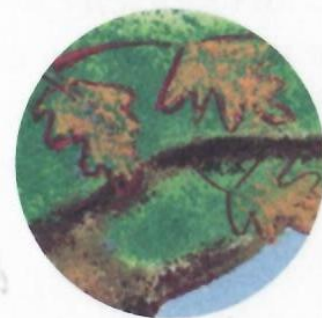

хлеба — условленную плату за целый день труда. Положив их перед собою, игумен помолился и начал есть, даже без соли, только с одной водой. Это был и обед, и ужин за целых четыре дня!

33

Видя это, другие монахи удивлялись терпению своего игумена, который даже такую невкусную пищу мог принять только как плату за свой труд. Ведь он строго следовал заповеди апостола Павла: *кто не работает, тот да не ест* (2 Сол. 3: 10). И братия по мере сил старалась подражать своему наставнику.

В те годы земля Русская уже сто пятьдесят лет находилась под властью татаро-монголов. Русские князья каждый год платили им дань. Воевать с ними было просто невыносимо: уж слишком большое и сильное войско собрали монголы. Да и не могли тогда князья на Руси объединиться. У каждого своя дружина, а вместе собраться — никак. Куда уж там договориться, если князья то и дело ссорились друг с другом и норовили на своего же соседа выйти в поход.

Но вот один из татарских ханов, по имени Мамай, решил, что одной дани от русских князей ему уже мало. И собрался идти на Русь с огромной армией, чтобы захватить все города, перебить князей и самому править

Русской землей. Напрасно великий князь Дмитрий Иванович пытался умиловить его дарами и покорностью: Мамай и слышать не хотел о пощаде. Как ни тяжело было великому князю после недавних войн с литовцами снова готовиться к войне, а делать было нечего: татарские полчища надвигались как грозная туча к пределам Руси.

И тогда Дмитрий Иванович смог убедить остальных князей оставить раздоры, объединить все дружины в одно войско и встретить грозного

врага Мамай ещё на подходе. Пока он не добрался до наших городов и не натворил там страшной беды.

Русских дружинников было очень много, такой сильной армии до сих пор на Руси ещё никто не собирал. Но всё равно их было намного меньше, чем бойцов у Мамай. Всем было понятно, что без Божьей помощи в этой битве никак не победить.

Великий князь Дмитрий Иванович решил пойти в монастырь к Сергию, чтобы там поклониться Богу и получить благословение. Он пригласил

с собою других православных князей и воевод и вместе с дружиной прибыл в Троицкую обитель. Помолясь, великий князь сказал святому игумену:

— Ты уже знаешь, отче, какое великое горе нависло над нами: ордынский князь Мамай идёт на Русскую землю разорять святые церкви и губить христианский народ.. Помолись же, отче, чтобы Бог избавил нас от этой беды!

Преподобный посоветовал князю Дмитрию Ивановичу принести Мамаю дары и показать свою покорность.

— Тебе, господин, — сказал он, — следует заботиться и крепко стоять за своих подданных, и душу свою за них положить, и кровь свою пролить. Но прежде пойдя к Мамаю с правдой и покорностью, как следует по твоему положению покоряться ордынскому царю. Ведь и Писание учит нас, что если такие враги хотят от нас чести и славы, то дадим им; если хотят золота и серебра, дадим и это; но за имя Христово, за веру Православную нам подобает душу свою положить и кровь свою пролить. И ты, господин, отдай

39

40 им честь, и золото, и серебро, и Бог не попустит им одолеть нас: Он вознесёт тебя, видя твоё смирение, и низложит их непреклонную гордыню.

— Всё это я уже сделал, — ответил ему великий князь, — но враг мой возносится ещё более.

— Если так, — сказал Сергей, — то его ожидает верная гибель, а тебя, великий княже, помощь, милость и слава от Господа. Уповаем на Господа и на Пречистую Богородицу, что они не оставят тебя.

И, осеняя великого князя крестом, произнёс: 41

— Иди без страха! Господь поможет тебе!

А затем, понизив голос, сказал так тихо, что слышно это было только великому князю:

— Победишь врагов твоих.

Но не только напутствием и молитвой благословил преподобный князя. В то время в обители были два инока: Александр Пересвет и Андрей Ослябя. Все были наслышаны об их мужестве, храбрости и воинском искусстве, ведь до принятия монашества они оба славились как доблестные воины, опытные в военном деле. Вот этих-то иноков-богатырей и дал преподобный Сергей в помощь великому князю.

И когда русское войско сошлось с Мамаем на Куликовом поле, один из них — Александр Пересвет — начал битву, выйдя на поединок со знаменитым татарским силачом Челубеем. Одним своим видом Челубей внушал ужас: огромный, мощный, со свирепым лицом, он потрясал копьём

и кричал: «Ну, кто посмеет сразиться со мной?! Кому жизнь не дорога?!» И тут из русских рядов выехал Пересвет. В простом монашеском одеянии, без лат и шлема, вооружённый тяжёлым копьём, словно молния устремился он на страшного татарина на своём быстром коне. Раздались громкие крики, противники сблизились, ударили друг друга тяжёлыми копьями, и — оба богатыря пали мёртвыми на землю!

Тогда-то и закипела битва, заблестели мечи острые, как молнии, затрещали копья, полилась кровь богатыр-

44 ская под сёдла, покатались шлемы золочёные под ноги конские, а за шлемами и головы богатырские...

В это время в Троицкой обители святой игумен Сергей собрал всю братию и молился Богу за успех русского войска. Хоть Сергей и находился в монастыре, но его дух был на Куликовом поле. Игумен видел всё, что там

происходило, и говорил об этом монахам. Он называл имена павших воинов и молился за них. Наконец Сергей возвестил, что враг побеждён, и прославил Бога за победу русского войска.

45

В честь этой великой победы князь Дмитрий и был назван Донским, ведь Куликово поле находилось рядом с рекой Доном.

Благодаря святому Сергию враждующие князья примирились, собрали сильное войско и прогнали татар-поработителей. Да и после Куликовской битвы преподобный Сергей ещё не раз мирил между собой русских князей, наставляя их жить в любви, по Божьим заповедям, и не зариться на добро соседа. За эти и другие славные дела Сергей Радонежский вошёл в народную память с высоким званием — игумен земли Русской.

А начало всему этому было положено на том далёком ростовском лугу, где мальчик, собиравший разбежавшихся отцовских жеребят, попросил у Бога научить его грамоте. У Бога ведь и вправду — всего много. Преподобный Сергей всей своей жизнью

показал, что полученный от Бога дар он использовал на благо себе и всему русскому народу! И когда такой человек осуществит волю Божью о себе, благодарный народ вечно хранит память о его добрых делах. 47

